

Александр Тришкин

ДО ТОЙ НОЧИ

РАССКАЗЫ ИЗ ЖИЗНИ
О ЗНАКАХ СВЫШЕ

Александр Тришкин

**До той ночи. Рассказы
из жизни о знаках свыше**

«Издательские решения»

Тришкин А.

До той ночи. Рассказы из жизни о знаках свыше / А. Тришкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967394-7

Казалось бы, незначительные моменты иногда играют в нашей жизни судьбоносную роль. В некоторых рассказах этой книги приводятся примеры, как можно разглядеть знаки, посылаемые свыше.

ISBN 978-5-44-967394-7

© Тришкин А.
© Издательские решения

Содержание

Не твоё – не бери	6
Предупреждение первое	7
Предупреждение второе	9
Предупреждение третье	11
До той ночи	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

До той ночи. Рассказы из жизни о знаках свыше

Александр Тришкин

© Александр Тришкин, 2019

ISBN 978-5-4496-7394-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Не твоё – не бери

Господь каждому из нас прежде, чем наказать, обязательно посылает предупреждение, а сам человек, в зависимости от своего воспитания, убеждений или иных особенностей характера, делает из этих посылов вывод.

Или не делает его.

К примеру: – каждому из нас доводилось видеть на дорогах этаких водителей-лихачей, я их называю «скаконавтами». Таких «удальцов» ещё называют шахматистами, за резкие, частые скачки вправо – влево, ныряние в небольшие промежутки между соседними машинами. Этакий претендент на титул – «удалец-молодец», как правило, молоденький и не обременённый жизненным опытом, (хотя, попадаются и седенькие, но крайне редко. Эти входят в категорию, – до ста лет дожил, а ума не нажил, да и на удалца уже не тянет) лихо объезжает одного, другого, притормозит, газанёт, упиваясь своим шоферским гением, отменным, игривым настроением, мощностью своего «болида», прекрасным, удающимся деньком, молодостью и иными прелестями жизни. Сам прошёл через это и знаю точно: – в такой момент очень важно не заиграться, не переувлечься, не переупиться, не залюбоваться собой. И вовремя увидеть Божий посыл, – в виде чудом увернувшегося пешехода, или выскользнувшей из-под носа машины. Вот-те предупреждение! Увидел, понял, осознал, прекратил игру, – живи. Не осознал, – что ж следующий посыл будет посерьёзней. Не удивляйся и не сердчай, – тебя предупредили.

Я работаю в такси. Каждый день раненько встаю, ну и до вечера, пока не устану. А то просто, – покатался маленько и будя, а не вздремнуть ли часок-другой... Что ни говори, – а на пенсии в этом плане здорово, – сам себе и начальник, и зам начальника, и подчинённый, и никомунищёнедолжный.

Одна из прелестей работы таксиста, – общение с людьми. Когда пассажир садится в такси, обязательно приходится обменяться с ним, ну, хотя бы, двумя-тремя словами, или фразами. Как правило, в подавляющем большинстве случаев, становится ясно, – расположен клиент пообщаться, или нет. Сам я не стремлюсь к разговору и никогда его не навязываю, но если чувствуется, что пассажир хочет общения, то, пожалуйста, и даже с удовольствием. С иными пассажирами расстаёшься чуть ли не друзьями, были даже любовные отношения, а бывает и наоборот, но об этом вспоминать не хочется. Только что подвёз и высадил этакую прелестную девушку-лапушку-симпанзель. Поболтали о том о сём, – непринуждённый лёгкий дорожный разговор: – как, говорит, вы не устаёте в этакой дорожной тесноте, да ещё – с утра до ночи? Не, говорит, я разок попробовала себя за рулём, больше – ни ногой. Друг, говорит, чуть ли не силком заставил прокатиться за рулём, я ведь не хотела, а сейчас и вовсе пропало малейшее желание за руль. Да-а, говорю, вы правы, – если нет тяги, влечения, братья «за вожжи», то лучше этого и не делать, не твоё – не бери... М-да... а ведь мне тоже, и не раз, были такие послы-предупреждения: – «не твоё – не бери». Посылов таковых было много, при самых разных обстоятельствах, но сейчас почему-то ярко вспомнилось три таких сигнала, по одной общей теме – охота.

Предупреждение первое

Я не охотник, не рыбак. Ну да, конечно, при случае не упущу возможности посидеть с удочкой у некоего водоёма, но уж ни в какую дискуссию, где, что, как и на что лучше клюёт, я не вступлю, и даже, – в каком магазине какая рыба дешевле, я тоже дискутировать не стану. Захотелось рыбки, зашёл в магазин, купил одно-другое рыбное туловище, и от души поизготавлившись над ними с помощью всяких приправ, да подвергнув соответствующей термообработке, слопал. Со знанием дела. Вот приготовить её я смогу. А об охоте даже и не помышляю. Была б возможность, – не пошёл бы.

Перед окончанием Ташкентского ВОКУ (Высшее Общевоинское Командное Училище) в 1978-ом году, каждый из выпускников должен был написать рапорт, в котором содержалось его пожелание, – где, в каком из округов нашей необъятной Родины он хотел бы служить по окончании училища. У нашего выпуска было прекрасное распределение. Многие, очень многие, поехали служить за границу. Кто не попадал в желаемый округ, – не хватило вакансий, или не соответствовали параметры, – тех отправляли в «непрестижные» места службы, – пески, или Сибирские морозы.

Не писал я никакого рапорта вообще.

Во-первых: – лучше начать службу смолоду в тяжёлых условиях, а к старости, к пенсии устроиться где-то потеплее.

Во-вторых: – я служить шёл не для того, чтобы импортный шифоньер купить. Не люблю напыщенных слов, – а в общем решил я поехать, куда Мать Родина направила.

В-третьих: – не с моими курсантскими «доблестями» проситься в престижные места.

И правильно сделал, что на Дальний Восток сразу поехал.

Итак, место службы после училища, – Амурская область.

В шести километрах от гарнизона, в тайге, затеял наш командир новую стрелковую директрису построить. Поясню: – стрелковая директриса, – место, а точнее, строение, из которого осуществляется управление и руководство стрельбами. Дело нужное и своевременное. Нужна была нам эта штука. Вот мне и поручили это дело. Шестнадцать бойцов, инструмент, палатка. По весне, как только чуть начала оттаивать накрепко смёрзшаяся под Амурскими 30 – 40-градусными морозами земля, начали. Войска мои жили в палатке, а я каждый вечер, часов в 8 – 9 отправлялся домой в гарнизон. Вечером марш-бросок, шесть километров до хаты, ну и, соответственно, столько же утром в 5—30, – на стрельбище. Здорово было. Нравилась мне эти пробежки, а сказать правильнее, – нравилась мне эта принужденность, эта невозможность, – избежать двух ежедневных шести километровых марш-бросков. Если-б не такая вот обязательность, то от ежедневной физической подготовки можно было бы уклониться, – и так за день вымотаешься, – не до олимпийских рекордов, а тут, – хочешь, не хочешь, а марш бросок будьте Александр, столь любезны-с, исполнить-с, дважды-с, в день-с.

Бойцы мои крепили на стволы берёз банки, а поутру собирали их, и каждое утро у нас начиналось со свеженького, чистого, ароматного берёзового сока. После марш-броска особенно приятно, с удовольствием, выпить пол литра-литр свежего берёзового сока.

Дожди в Амурской области часты, а по весне и по осени особенно. И дичины в тайге навалом, – козы, зайцы, всякие куропатки, тетерева. Мои сослуживцы-охотники-фанаты, конечно же, не упускали случая поохотиться, а потом похвалиться своими добычами и угостить товарищей свежим мяском, да под водочку, да под грибочки домашнего изготовления.

Ходил я всегда одним маршрутом, – по заброшенному танкодрому, по накатанной колее, служившей когда-то трассой, для обучения вождению танков и БТРов, а ныне, – просто земля, безо всякой растительности. Изъезженная колея. Земля почти всегда влажная, тем более после дождя. Идёшь утром, – следов козых не счесть, вечером возвращаешься, – истоптано, как

на Арбате. Ну и закралась мыслишка, – брать с собой автомат, да и сослуживцы присоветовали: – чего вхолостую шастать, – глядишь, козлятиной угостил бы. И себе, и бойцам на стол, – не помешало-б. В общем, – уговорили. Стал каждое утро таскать с собой АКМ. Выхожу за гарнизон, пересекаю марь (таёжная болотистая равнина), а за ней идёт конкретная тайга, и сразу, – патрон в патронник, в общем, – автомат в полной готовности: – поднимай и жми на курок.

День, другой, третий, – пусто. Даже на глаза ни одной животинки не попалось. А следов, – как будто назло стало ещё больше, – будто нарочно дразнят, да не показываются. Неделю хожу, вторую, – шаром покати. Стали мне опытные охотники советы давать, подсказывать, – что и как. Бесплезно. Нет дичины и всё тут. Что-уж только не делал: – и солонцы-приманки ставил, и с подветренной стороны заходил, и в засаде сидел, даже с ночным прицелом до полуночи по тайге бродил, – пусто. Мои старания продолжались месяца полтора – два.

И вот однажды, как и каждый день, ранним утречком, иду по пройденному много раз маршруту.

Стояла прямо у трассы старая, мёртвая сосна. Ствол у этой сосны сухой и очень высокий, но, – мертва старая сосна, отжила своё, только сучья по стволу, – что-то вроде лестницы. Давно я поглядывал, подумывал взобраться на её вершину, да окинуть взглядом окрест. Вот уж с неё-то, наверняка, увидел бы я хоть одну козочку. Иду я, приближаюсь к этой сосне, и уже всерьёз примеряюсь, прикидываю, – как подняться, на какие сучья лучше опереться, где пристроиться вверху для наблюдения, а сам в процессе таковых рассуждений продолжаю идти. И получается такая картина: – иду вперёд, прохожу мимо сосны, продолжаю идти прямо, а голова поворачивается на оставшуюся уже позади сосну, при этом продолжаю размышлять о своём «героическом» восхождении на эту сосёнку. Когда сосна остаётся уже метрах в десяти сзади, – поворачиваю голову прямо по курсу и вдруг вижу такую картину: – метрах в пятнадцати в густой кустарник уходит зад крупной косули! ОП-ПА! Вот это да! Вскинул автомат, пальнул, но уже наугад, примерно туда, где могла сейчас быть косуля, в ответ услышал быстро удаляющиеся скачки... м-да-а, охотник хренов... В общем, – получилось всё очень просто: – пока косуля прямо передо мной переходила трассу, я отвернулся, и любовался старой сосной, и отвернулся именно настолько, чтобы она смогла спокойно перейти и скрыться.

Всё! С того дня автомат я больше с собой не брал. Верите-ли, нет-ли, – но будто какой-то тяжкий груз с души слетел, – в один момент, – стало так легко и ясно. Больше об охоте я не помышлял вообще. Где-то на уровне подсознания, я почувствовал, – это был знак свыше: – не бери не своё.

Предупреждение второе

Было дано годков, этак, – через шесть.

Нет, не охотился я, и не думал об охоте, ни до, ни после того случая с косулей, но вот подвернулась такая оказия: – служил я на одном из островов Курильской гряды, – Итуруп.

Вот уж где раздолье-то для разного рода романтиков, путешественников, любителей экстрим-отдыха. Вулканы, гейзеры, водопады, – с одной стороны океан, с другой Охотское море, – останки старых, деревянных кораблей, вросших в прибрежный песок. Едешь по дороге, а по сторонам валяются подбитые в войне японские танкетки. А морских жителей, – каких только нет, и тюлени, и дельфины, а одной зимой, кажется в восемьдесят пятом году, – прибилась к берегу посёлка Рыбаки стайка молодых акул. Подошли льды, и шуга закрыла акулятам выход в море. Не знаю как, – но спасли рыбаки акулят. А рыбакам-фанатам на острове вообще раздолье: – рыбы, -хоть руками бери, и не какой-то там пескарь, – а всё породы «именитые», – палтус, кета, горбуша, нерка, таймень, форель, есть и королевские крабы, в общем, – не перечтёшь. Очень много медведей, лис и крыс. И крысы-то, – такие здоровенные, как небольшие кролики. И ещё, – очень ярко запомнилось и впечатлило: – вороньи бомбардировки. Никогда-б не поверил, если бы не пришлось самому, неоднократно, изворачиваться от вороньих атак. На островах нам на паёк выдавали консервы. Тушёнка, горбуша, кальмары и разного рода консервированные овощи, салаты. Консервных банок на помойках было полно. И прикормились на этих помойках вороны, – огромные, крупные, – да не одна-две, а огромными стаями, можно сказать: – тучами. Даже жутковато бывало. Вот представьте себе: – идёшь выносить мусор на помойку, а они взлетают с пустыми банками в клювах, летят тебе навстречу и сбрасывают свои «бомбы», стараясь попасть в тебя. В общем, – зрелище, скажем так, – впечатляет. Много, очень много на острове интересного, но я сейчас хочу рассказать не об этом.

Три года службы пролетели, как в сказке, но, – всё проходит, прошло и это. Пришло время отправляться на новое место службы, на материк. И вот опять, – заела меня мысль: – увезу-ка я отсюда медвежью шкуру. Ну, когда ещё подвернётся такая возможность? В общем, беру три дня отпуска, – вроде как, – съездить в госпиталь, а сам, – взял у друзей колёсный вездеход ГАЗ 52, повышенной проходимости, два ведущих моста, пониженная раздаточная коробка, лебёдка самовытаскивания. Взял винтовку СВД, и ходу, – на Ветровой перешеек. Кстати: – там, на Ветровом, когда-то был аэродром японских камикадзе, и в восемьдесят седьмом году ещё валялись тележки-шасси от самолётов камикадзе. Кому интересно, – можете посмотреть в интернете виды из космоса, и на острове Итуруп, в самом узком месте острова, – чётко видна взлётная полоса камикадзе. Места там мало хоженные и труднопроходимые. Казалось-бы, – чего там трудного, – по бамбукам идти? Бамбук невысокий, всего лишь по пояс. Но попробуйте побродить по плотно растущему бамбуковому ковру высотой в половину роста человека. Ставишь ногу на землю, а со всех сторон ноге не дают встать крепкие, тугие бамбуковые стебли. Да, конечно, – ногу то поставишь, но с усилием. И ещё, – чтобы двигаться вперёд, ногу надо переносить с одного места на другое, и этому тоже препятствуют бамбуковые заросли.

И так совершается КАЖДЫЙ шаг. Конечно пройти можно, и ты проходишь, и идёшь, но процедура эта выматывает. Даже, если молод и силён, устаёшь очень быстро.

Приехал на Ветровой перешеек, остановился у товарища в избушке, взял в помощники двоих местных парней, ну и двинулись мы втроём. Побродили часа два – три, сели перекусить и вдруг, – опустился туман. Плотный, густой туман. Благо, – от машины мы отошли недалеко, да и парни дорогу знали прекрасно. Пришлось вернуться в дом. Три дня у меня было отпущено на это мероприятие, и эти три дня туман не уходил, а так и стоял плотной стеной. Пора возвращаться домой, – время истекло. Еду обратно. Погода – чудо, солнышко, лёгкий ветерок, и опять вспомнилось то самое ощущение несовершенного греха, – какая-то лёгкость на душе.

Вспомнилась та, оставшаяся тогда в живых, косуля. Да, я уверен, это было второе предупреждение: – не твоё – не бери.

И вот ещё в чём явно проявились признаки этого посыла-предупреждения: – Кажется бы, – ну и чего-ж тут особенного, – туман как туман, – пришёл, – ушёл... Да, – НО (!) ... Те, кто прожил на острове Итуруп хотя бы несколько дней, – имели возможность заметить, что ветер на островах, практически, не прекращается. Ветер может остановиться только для того, чтобы сменить направление, или просто, -«передохнуть», но только на пол часика, часок, и уж никак не на трое суток. А при ветре туман плотной стеной не удержится, – либо это будут тучки, бегущие через остров, либо дождевой, или снежный заряд, – в зависимости от времени года. Тогда видимость будет изменяться, и окрестности всегда можно будет прекрасно обозреть. И охоте это никак не мешает. Вот-те и «информация к размышлению», – посыл это был, или не посыл?

Предупреждение третье

Было дано через пять лет.

И это было уже очень серьёзное предупреждение.

Случилось это, не со мной, но, можно сказать, – почти, что на моих глазах. Вышел я на пенсию рано, – в тридцать четыре годика, этакий, – юный пенсионер, как я себя тогда называл. Ну и позвал меня тогда друг, Толик, с собой, на сезон, – поработать на поливных землях. На оросительных системах. Видели, наверное, проезжая по сельским угодьям, нет-нет, да и попадётся на глаза стоящая в поле на огромных колёсах длиннющая труба, Волжанка, а из трубы этой, фонтанами, разбрызгивается вода, орошая поле. Через каждые четыре часа эту трубу надо перегнать на новое, не орошённое место. Этих самых Волжанок у нас с Толиком двенадцать штук. Последовательность действий такая: – Происходит орошение. Установки распыскивают воду. Проходит четыре часа. Пора менять место. Для этого нужно:

1. Выключить подачу воды, и выйти в поле на приличное расстояние, к местам соединений Волжанок и водопровода.
2. Отсоединить шланги-подводы воды.
3. Завести ЗИД чуть ниже описанным способом.
4. Перегнать Волжанку на новое место.
5. Подсоединить шланги.
6. Вернуться к вагончику и включить силовые установки подачи воды.

Вот это и есть задача маэстро-оператора оросительной установки «Волжанка». Двигутся эти Волжанки самоходом, – с помощью двигателя, именуемого – ЗИД, а заводится этот самый ЗИД простым, как три рубля, способом, – то есть: – надо намотать на маховик шнур и резко, и сильно дёрнуть. Если с первого раза ЗИД не завёлся, повторяешь процедуру и дёргаешь шнур ещё и ещё, пока не заведётся. Для чего так об этом подробно рассказываю? А вот для чего: – Помните закон? Если в начале спектакля на стене висит ружьё, то в ходе спектакля оно обязательно выстрелит. Этот ЗИД и есть то самое «ружьё» в нашем «спектакле». Но было в этом спектакле и настоящее ружьё, которое тоже выстрелило. Когда-то, по случаю, я приобрёл мелкокалиберную винтовку, и огромное количество патронов к ней. Естественно, работая в поле, винтовку я взял с собой. Жили в вагончике.

И тут тоже стало проявляться что-то непонятное. К примеру: – идёшь по полю по рабочим делам, – то есть Волжанки перегоняешь, или ЗИД подремонтировать, ну не будешь же делать это с винтовкой за спиной, значит, – винтовка остаётся в вагончике. Так вот, – эти самые зайцы, чуть-ли не на голову прыгают, а то и лисичка пробежит чуть-ли не перед носом. Но, только попробуй выйти в поле специально, – побродить с винтовкой. Дудки. Митька прятл. Будто, – сидят в кустах какие-нибудь заячьи наблюдатели, с какими-нибудь заячьими биноклями и контролируют все твои шаги. По соседству с нами располагались бахчи, и их владельцы, – парни кумыки, – частенько просили мою винтовку, – погонять зайцев. Для них зайцы были самым настоящим бедствием. Эти милые зайчики губили, прогрызали их урожай, – арбузы, дыни, тыкву, морковь, капусту тоннами.

Работали мы с Толиком посменно, через неделю. У меня Москвич, у него Жигуль-копейка. Частенько на рыбалку выезжали, на толстолобика. Изловишь четыре – пять рыбин, так на всю бригаду хватало. Такие «поросята», – еле-еле в багажник помещаются. Ну в общем, – работаем месяц, другой, – всё ровненько. Менялись с утра, во вторник, чтобы выходные проводить в семье. Каждый вторник, с утра, прислушиваешься, -о, заурчало, – едет Толик. Мы всегда выходили встречать друг друга на крыльцо вагончика. Встреча товарища, всегда, хоть маленькая, – но радость. Привет-привет. То, да сё, встреча, сто грамм «наркомовских», а дальше как обычно. Один остался, другой до дому.

Наступает моя неделя. Подъезжаю к вагончику, предвкушая радость встречи. Что такое? Толик не вышел встречать на крыльцо, странно, – дверь вагончика открыта настежь... хм... если б ушёл на полевой стан, дверь-бы запер на замок. Напился до зелёных свиной? Не может быть, ведь знает, – домой ехать. Это я ещё мог себе позволить такую роскошь, – сесть за руль выпивши. Ещё бы, – пол города хороших знакомых, – чуть-чего, вытащат, но Толик (!!!) даже рисковать не станет, даже за день до руля. Та-ак... Поднимаюсь на крыльцо. Тишина. Прохожу по коридорчику, в дверной проём, и что вижу, – на своей койке, свернувшись калачиком и забившись в угол, – даже не знаю, как и сказать-то, – то ли лежит, то ли сидит мой друг Толя, и молча, каким-то, ничего не понимающим взглядом смотрит на меня. И молчит. На полу даже не пятна, а лужи крови, а он правой рукой придерживает окровавленную, – левую.

Спрашиваю:

– Что такое?!

– Маховиком мотора клок мышц с предплечья вырвало.

– Толя, – прыгай в машину, – быстрее, в больницу.

От потери крови он ослаб, но в Москвича сел сам. Гоню во весь опор по кочкам. Километров с десять.

Пока ехали, рассказал мне Толя такую штуку:

Перегнал, говорит, я все Волжанки, подсоединил, ну в общем выполнил все процедуры по ранее описанному мной перечню. Оставалось только запустить силовую установку, – водопомпачку. Да зашёл, говорит, я, на секундочку, зачем-то, в вагончик. Выхожу и вижу: – прямо передо мной, шагах в десяти, сидит заяц и смотрит прямо на меня. Сидит как-то по собачьи, на попе. Я остановился, – заяц сидит и смотрит, я спокойно вернулся в вагончик, взял винтовку и вышел на крыльцо, – заяц сидит и смотрит на меня, – прицеливаюсь, бабах, ранил, – заяц, скачками, – в камыши, и притаился. Я подошёл ближе и выстрелом добил его. Привязал за верёвку и опустил в воду. Думаю, – приедешь, сварганим что-нибудь.

И тут, представляешь, – понять не могу, – с какого перепугу, для чего, почему, я пошёл опять к Волжанкам и стал заводить ЗИД, вот будто кто тянул меня, а я не в силах был противиться. Начал заводить ЗИД, и рука попадает в этот самый маховик, и тот вырывает лоскут мяса. Я, говорит, сейчас, не могу в себя прийти, – Сань, что это было? Почему? Мне, говорит, кажется, – это было наказание за расстрелянного зайца, это-ж не охота была, а убийство...

От этого рассказа у меня тогда мурашки шли по коже. Я по сей день помню его состояние помешательства, это было очень заметно. Он постепенно пришёл в себя и через неделю, в свою смену, вышел на работу. Со временем эта история забылась, но меня до сих пор не покидает ощущение того самого, – ТРЕТЬЕГО предупреждения.

До той ночи

До той ночи я здорово исполнял под гитару песни Владимира Высоцкого. Почти весь его репертуар знал наизусть. Когда я учился в десятом классе, отец подарил мне переносный магнитофон «Романтик 3». Такая крутизна, по тем-то временам.

Владимир Высоцкий тогда был на пике своей популярности. Заигранные, до невозможности что-то расслышать, кассеты Высоцкого мы жадно переписывали друг у друга. У меня было три – четыре больших кассеты песен Высоцкого. Я прибегал со школы и, прежде чем положить портфель, нажимал на клавишу «пуск» магнитофона.

*...Я Як, истребитель, мотор-р мой звенит, н-небо моя обитель
н-но тот, который
во мне сидит, считает, что он истребитель...*

И уже, под песни Высоцкого, я бросал портфель, раздевался, обедал, ну и всё остальное. Могу с уверенностью сказать: – я вырос на песнях Высоцкого.

Конечно, – лестно было, что как-то раз, товарищ записал моё пение на свой магнитофон. А петь я любил.

*...если шёл за тобой
как в бой
на вершине стоял
хмельной,
значит, как на себя самого
положись на него...*

Мне очень нравилось петь песни Владимира Высоцкого, в точности копируя его голос и манеру исполнения. И здорово получалось.

До той ночи.

Амурская область.

Нас подняли по тревоге вечером. Это был обычный январский морозный вечер. По всему было видно: – это неспроста. Что-то, похожее, было в тот день, когда Китай напал на Вьетнам. В те дни была очень напряжённая обстановка во всей стране. Все ждали каких-то событий. Но, всё ограничилось лишь предупреждением. Приведение войск в боеготовность, или проведение учений на границе, являются, своего рода, предупреждением для страны, предпринявшей враждебные действия, по отношению к нашим союзникам, каковым тогда и являлся для нас Вьетнам. Так же подняли нас тогда по тревоге, привели в полную боеготовность, и в таком состоянии, почти двое суток, мы просидели в броне, в полной готовности к выполнению самого настоящего боевого задания.

Вот и сейчас, – была дана команда: – по полной боевой выдвинуться в некоторую точку. Мы понимали, что это учебное задание, но, – кто знает?

Собрались, экипировались и получили боекомплект быстро. В норматив уложились. Чётко сработали все соответствующие службы гарнизона. Дана команда – старт. Шесть гусеничных плавающих бронетранспортёров. Тронулись. Скорость – максимальная для пересечённой местности. Впереди – восемьдесят километров по тайге. Маршрут лежал, в основном, – по таёжной дороге, вдоль железнодорожного полотна.

Надо отдать должное: – надёжная у нас на вооружении техника. Часов в одиннадцать ночи все шесть были в назначенной точке. Прибыли, встали колонной. Подъехала какая-то чёрная волга. Вышел из неё человек, обменялись с нашим командиром какими-то условными знаками, и всё. По реакции нашего командира мы поняли, что задание выполнено отлично.

Ну, что-ж, – вперёд, – назад.

Домой.

Едем обратным маршрутом, – так же, – вдоль железной дороги. Ночью сильный Амурский мороз ещё больше усилился. В БТРах, добросовестно, героически, спали наши воины. Когда БТР заведён, в его корпусе тепло от двигателя, да плюс к тому, – все наши бойцы получили на марш овчинные тулупы, и аппетитно храпели в просторном брюхе боевой машины. И мягко и тепло, ну прямо, – отель Континенталь.

Примерно на середине обратного пути предстояло пересечь замёрзшую речку с очень высокими берегами. Сама-то речка так, – одно название, – таких полно на Дальнем Востоке. А вот берега высоки. Но, для нашей гусеничной техники, – это пустыки. Перед речкой колонна остановилась. Впереди возник какой-то затор.

Вышли из машин, и видим такую картину: – На берегу реки, с нашей стороны, стоят два самосвала ЗИЛа. Один из них с прицепом. Самосвалы и прицеп гружены бетонными блоками, а прицеп второго самосвала опрокинут вниз, – прямо у самой реки. И блоки его валяются на льду реки.

Водители самосвалов развели большой костёр, в расчёте на то, что стоять придётся всю ночь. Раньше начала рабочего дня помощи не ожидалось. Но тут, на их счастье, проезжала наша колонна.

Даже если бы мы и могли проехать мимо них, мы бы, всё равно, обязательно, оказали бы помощь.

Закон дороги, и Закон тайги.

Тут же собрали со всех наших БТРов троса на две головные машины, соединили их в длину, и, примерно, за полчаса вытащили и прицеп, поставив его на колёса, и блоки. Вот только блоки, конечно же, загрузить на прицеп было нечем, но самосвалы получили возможность отправиться дальше, – к своей цели.

Что-ж, – едем дальше. Чтобы не терять времени, ночь была глубокая, а ехать ещё половина пути, троса оставили на головных машинах.

Я ехал на последнем БТРе в тех замыкании. Поясню: – тех замыкание, – это миссия последней машины, – контролировать, чтобы никто не отбил от стаи, не остался брошенным.

Заводимся и получаем команду вперёд. Четыре передние машины тронулись и отправились в путь. И тут я вижу, что машина передо мной, оказывается, не завелась. Пытаюсь запустить двигатель, механик-водитель израсходовал весь заряд аккумулятора, но машина не завелась. Пытаемся завести вторым, запасным, способом, – воздухом, но, – и тут, – результат никакой. Воздух израсходовали, а движок не запустился. Такое иногда бывает, и здесь нет ничего удивительного, – обычное дело. Есть ещё третий, самый надёжный способ: – с толкача.

Уверенный в том, что машина быстро заведётся, я даю сигнал своему механику подъехать вплотную к передней машине и упереться носом в его корму, – для толчка.

Здесь, пожалуй, будет уместно обрисовать обстановку. Мы двигались, и остановились на очень узкой таёжной зимней дороге, проходившей вдоль и впритирку к дороге железной. Справа от меня, по ходу движения, высокая, почти отвесная, насыпь. Слева железная дорога. Та самая, – Транссибирская Магистраль. Объехать впереди стоящий заглохший БТР я не имею никакой возможности.

И вот тут как раз уместно упомянуть о Мышлении штампами, и творческом мышлении, о которых я рассуждал в одном из моих рассказов. Вкратце напомним: – речь шла о том, как правильно поступать в жизненных ситуациях, – в строгом соответствии с буквой инструкции,

или, обойдя строгие штампы, проявлять творчество? Резюме той темы было примерно таким: – всё хорошо в меру и к месту. И задача командира, да и не только командира, но и каждому из нас полезно знать и уметь правильно определять меру того и другого. А также, помнить о знаках, посылаемых нам свыше:

– По всем правилам, каждая машина, отправляясь путь, должна быть укомплектована полностью на все дорожные случаи. Это, порой, жизненно важно.

– Это, так сказать, – штамп, а творчество, в тот момент, заключалось в том, чтобы не полениться, выполнить этот штамп, – раскидать троса обратно на все машины, на которых они и должны быть, согласно комплектации, и с которых их временно сняли для оказания помощи. Поторопившись, отправиться домой и поленившись это сделать, мы и получили своего рода предупреждение, – в виде аварийной ситуации, внезапно возникшей на зимней дороге, в которой без троса, справиться было невозможно.

Итак: – я подогнал машину вплотную к впереди стоящему, заглохшему, БТРу и дал команду, – «вперёд». Мой механик-водитель дал обороты и с силой покати́л передний БТР. За впереди стоящим БТРом мой механик не видит ничего, только мои сигналы. Я сверху, с брони, вижу направление и саму машину, как только передний БТР заведётся, я сразу это увижу. Тот пытался запуститься, но опять безуспешно, ещё, ещё и тут я вижу, что передний БТР, находившийся несколько под углом к «железке», накатывается на рельсы, которые мне были с моей позиции не видны, лежащие на сооружении из шпал, вдоль железной дороги.

Наверняка все, кто, когда, либо ездил на поездах, обращали внимание, что во многих местах, вдоль железной дороги, лежат запасные рельсы. Лежат они на таком пьедестале-приступке, сооружённом из шпал, рядом с железнодорожным полотном.

Так вот, – накатывается передняя машина на эти, запасные рельсы, и я вижу, как две из этих длинных рельс поднимаются и падают поперёк, на железнодорожное полотно, а передний БТР наезжает на них всю своей многотонной массой и прижимает их накрепко к полотну.

ОП-ПА!!!

Вот это ситуация!

Это значит, что поезд, который вот-вот пойдёт по трассе, неминуемо сойдёт с рельс. Куда он свалится, на нас, или на встречный путь, – не имеет значения, – катастрофа неизбежна!!! В двух БТРах, не подозревая об опасности, спят безмятежным, богатырским сном около двадцати человек солдат.

Сколько минут до следующего поезда? Эта трасса очень загружена, – поезда по ней шмыгают один за другим, с разницей в несколько минут. Принимай решение, командир!

Оцениваю обстановку. Троса нет, – БТР назад не оттянешь. Толкать вперёд, – заедем ещё дальше, на рельсы, тогда на рельсах окажется и сама машина с людьми. объехать невозможно ни справа, ни слева.

В любом случае, – поднимать солдат необходимо в первую очередь и обязательно. Пока поднимаемся, приму окончательное решение: – то ли отвести бойцов подальше от опасности и попытаться остановить поезд с помощью кругового сигнала горячей деревяшкой, то ли убирать рельсы с дороги силами моих воинов. Размышляя таким образом, я прыгал с машины на машину и орал во всю мощь своих лёгких и голосовых возможностей, – пытался разбудить и срочно высадить воинов из машин.

По себе знаю, – как не хочется выползть на мороз из тёплого сонного состояния. Но, благо, что мои воины, не первый день со мной служившие, по моим, можно сказать паническим крикам: «Подъём!!!» «Две минуты, к машине!!! Строиться у машин!!! Без оружия!!! Срочно!!! Подъём!!!», поняли: – что-то не так.

Никогда прежде никто из моих бойцов не видел меня в таком состоянии.

Сколько минут, или секунд, есть у нас в запасе, до того, как пойдёт следующий поезд, – никто не знал. Предыдущий состав прошёл как раз, когда мы закончили вытаскивать прицеп и трогались в путь.

Мой заместитель, сержант, тоже принялся поднимать войско, поняв необычность и опасность ситуации.

Первого же, выскочившего из машины бойца, я отправил с огненной корягой навстречу поезду, объяснив ему наскоро, – как и какой сигнал нужно подавать, когда появится поезд.

Солдат-сигналист был уже на приличном расстоянии, и поезд уже мог получить сигнал опасности вовремя. Обстановка несколько разрядилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.